

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ ХДС / ХСС И ЛЕВЫЕ)**

Юлия Васильевна Бец

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: juliabets@mail.ru

Валерия Александровна Корскова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: korskova_lerusa@mail.ru

Аннотация. Данное исследование, материалом для которого послужили тексты выступлений политиков двух оппозиционных партий Германии, имеет своей целью выявить и описать те речевые стратегии, которые на сегодняшний день характеризуют современный немецкий политический язык и политический дискурс в условиях оппозиции. В статье рассматриваются индивидуальные стратегии построения коммуникации в публичных выступлениях виднейших политиков и дана общая характеристика речевого портрета каждого.

Ключевые слова: партийно-политический дискурс, персуазивность, речевые стратегии и речевые тактики, немецкие партийные лидеры.

В лингвистике сформировались несколько связанных между собой понятий, отражающих тесное единство языка и политики: «язык политики», «политический язык», «политическая коммуникация», «политический дискурс». На сегодняшний день существует два подхода к определению языка политики [Тодосиенко, с. 159; Girth, URL]. Первый подход рассматривает язык политики как риторику политической деятельности, в которой политики выступают в своей профессиональной роли (*politischer Wortschatz*). С позиции второго подхода взаимосвязь языка и политики получает название «политического языка» (*politischer Gebrauch der Sprache*).

Данное исследование, материалом для которого послужили тексты выступлений политиков двух оппозиционных партий Германии (ХДС / ХСС и Левые) в Бундестаге – Ангелы Меркель, Хорста Зеehoфера, Урсулы фон дер Ляйен и Сары Вагенкнехт, Грегора Гизи и Кати Киппинг, опубликованные на официальных сайтах <http://www.bundesregierung.de>, <http://www.linksfraktion.de>, <http://www.bayern.de>, имеет своей целью выявить и описать те речевые стратегии, которые на сегодняшний день характеризуют современный немецкий политический язык и политический дискурс в условиях оппозиции. В общей сложности объем практического материала составили 54 выступления политических лидеров ХДС / ХСС в Бундестаге в период с 2013 по 2016 гг.

Итак, большинство исследователей разделяют мнение о том, что политический язык отвечает за организацию высказываний, соответствующих той или иной конкретной системе взглядов. Это искусственный, отчасти «технический», язык, создаваемый для определенных конкретных целей и призванный закрепить в обществе некоторые наиболее важные принципы, смысловые, ценностные и этические установки. По мнению А. Дугина, политический язык влияет на обычный язык (в широком смысле), создает систему социальных кодов, программирует систему общественного и личного поведения, воспитывает людей в определенной ценностной системе, распределяет моральные приоритеты и ставит цели.

Политический язык имеет несколько уровней, но его идеологическое ответвление является ключевым. В этой парадигмальной направляющей сосредоточены наиболее общие и основополагающие элементы конкретной политической системы. «Политический язык сам по себе – к чему бы он ни обращался – уже есть пропаганда, поскольку он подспудно навязывает как “нечто очевидное и само собой разумеющееся” определенные идеологические предпосылки, которые, будучи изложенными открыто, могли бы вызвать сомнение, критику, несогласие или отторжение» [Дугин, с. 393–394].

Подобное разделение языка политики и политического языка представляется нам

достаточно условным, т.к. язык политики трудно отграничить от общенародного языка, важнейшей функцией которого является коммуникация. Центральная функция политического языка – убеждение. С помощью языковых средств адресант влияет на мнение адресата и создает доверие относительно правильности произнесенного. Связь между языком и политикой бесспорна: «ни один политический режим не может существовать без коммуникации» [Шейгал, с. 30]. В самом деле, специфика политики заключается в ее преимущественно дискурсивном характере, «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [там же].

Отечественные лингвисты, среди них А.Н. Баранов и Е.И. Шейгал, определяют язык политики как структурированную совокупность образующих семиотическое пространство политического дискурса знаков, говорят о политическом языке как о знаковой системе, предназначенной именно для политической коммуникации. [Баранов, с. 29]. В эту совокупность включаются вербальные знаки (политические термины, антропонимы) и невербальные (политические символы), а также те знаки, которые первоначально номинативно не были ориентированы на данную сферу общения, но, вследствие устойчивого функционирования приобрели содержательную специфику [Шейгал, с. 30, 32].

Зарубежные исследователи [Naser Shrouf]

рассматривают политический язык, прежде всего, как явление многоаспектное, способное обобщить различные научные сферы и дефиниции: «Политический язык – язык государства или всего того, что относится к государству и государственной власти: учреждения, функции и приемы политики» [Naser Shrouf, S. 13]. Другой немецкий лингвист А. Буркхардт, учитывая специфические критерии политического языка, определяет его как «все языковые действия, с помощью которых говорящий пытается влиять на государственное формирование воли у обществственности или в политических учреждениях (парламенте, правительстве, управлении, суде, партии и политических союзах)» [Burkhardt, S. 25].

Итак, мы видим, что все три понятия – «язык политики», «политический язык», «политическая коммуникация» – являются схожими, могут употребляться в качестве синонимов, но не тождественны друг другу.

В политологии «политическая коммуникация» занимает одно из центральных мест среди политических процессов. Именно она является важным инструментом для взаимодействия людей, групп, политических партий, государств и обеспечивает передачу информации, оценок, значений, смыслов, ценностей и т.п. Политика, в данном случае, выражает себя через систему коммуникативных действий. Примерно в середине XX века исследования по политической коммуника-

ции выделяются в самостоятельное научное направление. Политику как систему коммуникаций и информационных потоков в своих работах трактовали американские и немецкие мыслители Ханна Арендт (1906–1975), Карл Дойч (1912–1992), Никлас Луман (1927–1998), Юрген Хабермас (род. 1929). Интерес к изучению политического дискурса привел к появлению нового направления в языковедении – политической лингвистики.

Авторы многочисленных работ последних лет (П.Б. Паршина, Е.И. Шейгал, В.З. Демьянкова, М.Р. Желтухина, И.М. Кобозева) используют термин «политический дискурс», вкладывая в него разное содержание. Одни исследователи пользуются этим термином как данным априори, другие отказывают ему в наличии лингвистического содержания, сторонники третьей точки зрения утверждают, что языку политики, напротив, свойственно специфическое содержание, а не форма [Серио, с. 46]), иные используют его наряду с терминами «язык политики», «политическая коммуникация», «политический язык». Однако в лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс нескольких элементов, образующих единое целое.

Политический дискурс является специфической разновидностью дискурса, поскольку имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. Он обладает набором

системообразующих признаков, в число которых входят: а) цель общения, б) участники общения, в) способ общения – избираемые стратегии и тактики. Таким образом, политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, с. 34]. Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс». В широком смысле «политический дискурс» включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти.

Важной особенностью политического дискурса является то, что политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов. В целом, общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам, гражданам сообщества, необходимость «политически правильных» действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать

почву для убеждения и побудить к действию.

Мы придерживаемся широкого понимания политического дискурса, согласно которому в это понятие включены «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, с. 34]. Иными словами, под политическим дискурсом понимается как дискурс политиков, так и дискурс о политике, принадлежащий непрофессионалам.

Партийно-политический дискурс (далее по тексту ППД) представляет собой разновидность политического дискурса. ППД – сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное партийно-политическое событие» и, в первую очередь, институциональное явление (языковое, речевое), предполагающее некоторую идеологическую ориентацию (национальную, внутриполитическую, международную, социальную, психологическую, внутрипартийную и т.д.).

Основное предназначение партийно-политического дискурса состоит в том, чтобы убедить адресатов – граждан сообщества, электорат и оппонентов, особенно в условиях парламентских выборов, в правильности действий и оценок определенной партии. Цель ППД – не столь в том, чтобы описать, а в том, чтобы убедить, внушить, пробудив в адресате намерения «дать почву для убеждения и побудить к действию» [Маслова,

с. 41]. Оценочность и агрессивность являются важнейшими характеристиками ППД, который, однако, может иметь и аргументативно-информационный облик.

В этом субдискурсе четко выражены антропоцентрическая парадигма [Маслова, с. 10] и индивидуальные проявления языковой личности. Антропоцентрическая парадигма характеризуется переключением интересов исследователя с объектов познания, т.е. с текстов на субъекты, группы людей, каковыми являются в том числе и политические партии.

В структуре ППД участвуют несколько звеньев, ключевыми из которых являются адресант (автор текста, политик, партийный лидер) – текст – адресат (аудитория слушателей, зрителей или читатели) и экстралингвистический фон. В русле ППД происходит коммуникационное движение по следующей схеме: автор (адресант) в силу интенции создает и обращает свой текст по какому-либо трансляционному каналу адресату с целью оказания влияния на последнего в интересах определенной партии. Особенно интенсивно такое коммуникационное движение осуществляется в предвыборном партийно-политическом дискурсе.

Основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают

удары и переходят в наступление [Шейгал, с. 44]. Партийную верхушку Германии в синхронии и диахронии представляют языковые личности – политические деятели, оказавшие значительное влияние на развитие немецкого партийного языка: К. Аденауэр, Г. Коль, А. Меркель (ХДС); В. Брандт, Г. Шредер, З. Габриель (СДПГ); Г-Д. Геншер, Г. Вестервелле, Ф. Рёслер (СвДП); О. Лафонтен, Г. Гизи (ЛП); Й. Фишер, Ю. Триттин («Зеленые») и др.

Сегодня политический ландшафт Германии представлен в Бундестаге следующим образом:

- 1) Христианско-демократический союз – ХДС;
- 2) Христианско-социальный союз – ХСС;
- 3) Социал-демократическая партия Германии – СДПГ;
- 4) Союз 90 / Зеленые – Зеленые;
- 5) Свободная демократическая партия Германии – СвДП;
- 6) Левые.

Объектом настоящего исследования были выбраны политические выступления представителей партий ХДС / ХСС и Левые. Такой выбор был обусловлен необходимостью привлечения тематически разнообразных и вместе с тем достаточно острых политических дискуссий. Мнения политиков этих партий диаметрально противоположны, а это в свою очередь обуславливает остроту и эмоциональность дискуссий, специфику

их языкового построения.

Партия Христианско-демократический союз (ХДС) (Christlich-Demokratische Union, CDU) была создана в 1945 г. В том же году был создан ее баварский партнер – Христианско-социальный союз (ХСС) (Christlich-Soziale Union, CSU). Две партии поделили сферы влияния: ХСС занимается исключительно Баварией и не составляет конкуренции ХДС в других федеральных землях. Выступая единым блоком, оба Союза, тем не менее, самостоятельны и организационно совершенно независимы. Слово «союз» в названии партии означает сознательный отказ от конфессиональных, классовых, сугубо партийных интересов и подчеркивает, что это образование имеет характер массового движения. Председатель ХДС – Ангела Меркель, генеральный секретарь – Герман Грёэ (Hermann Gröhe). Председатель ХСС – Хорст Зеехофер (Horst Seehofer), генеральный секретарь – Александр Добриндт (Alexander Dobrindt).

Главные программные принципы – соблюдение в политике этических основ христианства, идея «социальной рыночной экономики», прочная интеграция ФРГ в западные структуры и приверженность западной системе ценностей. Большая роль при этом отводится укреплению трансатлантических отношений. Во внешнеполитической концепции особое внимание уделяется тому, что Германия должна играть ведущую роль

в процессе объединения Европы, сохраняя вместе с тем свою самобытность.

Самая крупная оппозиционная партия в немецком Бундестаге – это «Левые» (Die Linke). Она создана в июне 2007 года в результате слияния восточногерманских посткоммунистов с западногерманской «Избирательной альтернативой за труд и социальную справедливость» (ИАТСС, WASG). Обе партии сотрудничали в Бундестаге еще с 2005 г. в составе фракции «Левых» под председательством Грегора Гизи (Gregor Gysi).

Левая партия свою направленность обозначает как «демократический социализм». Партия выступает против «капиталистической модели ФРГ» и «неолиберальной» политики. По мнению представителей Левой партии, Германия – богатая страна, но она не предоставляет возможностей «разделить это богатство» по справедливости между всеми членами общества.

А. Меркель на сегодняшний день исполняет обязанности канцлера Германии и является председателем партии ХДС / ХСС. В ходе анализа публичных выступлений Ангелы Меркель удалось установить, что она не использует тактики оппозиционирования, обвинения, оскорбления, оправдания, критику позиции оппонента, рассмотрения информации под новым углом зрения. Она не позволяет себе оскорблений в адрес других и видит только одну сторону вопроса / проблемы. Когнитивная система А. Меркель ориентиро-

вана на универсальные и групповые ценности. На первый план выдвигается ее коллективная идентичность. Речь А. Меркель представляется последовательной и прогнозируемой. Она дает четкую оценку происходящим событиям или возникающим проблемам. Бундесканцлер Германии часто прибегает к использованию тактик, ориентированных на сплочение и коллективизацию населения (отождествления, солидаризации, единения), а также на создание единого национального духа (призыва, учета ценностных ориентиров адресата). Выступления А. Меркель отличаются повышенной эмоциональностью. Она умело убеждает мировое сообщество фактическими данными, используя тактику акцентирования. Одним из способов привлечения внимания является использование персонифицированных высказываний.

Ср.: «Ich **spreche** immer noch von einem Hoffnungsschimmer...» (Ангела Меркель)

«Wir **wussten** damals wie heute...» (Ангела Меркель)

Еще одним маркером тактики акцентирования выступает модель со значением долженствования – модальный глагол + глагол в инфинитиве.

Ср.: «Ich **will** hier nur die wesentlichen Stichworte **nennen**...» (Ангела Меркель)

«Wir **müssen** heute **konstatieren**...» (Ангела Меркель)

Далее по тексту выступления тактика реализуется уже посредством вводных слов.

Ср.: «Deutschland wird sich daran *natürlich* beteiligen» (Ангела Меркель)

«Dies gilt *übrigens* gerade für zwei Länder...» (Ангела Меркель)

«...ist es *wichtig*, dass wir ein Gesetzespaket geschaffen haben...» (Ангела Меркель)

«Es gilt – *das ist selbstverständlich* – das Prinzip: Pactasuntservanda, Verträge werden eingehalten» (Ангела Меркель)

Следующим приемом реализации тактики является употребление глагола *mögen* в презенсе конъюнктива. Он выражает косвенную просьбу или пожелание.

Ср.: «...wobei ich auch noch einmal darauf hinweisen *möchte*...» (Ангела Меркель)

Министр обороны Германии, еще один представитель партии ХДС / ХСС Урсула фон дер Ляйен, по нашим наблюдениям, не использует тактики оппозиционирования, дистанцирования, оскорбления, оспаривания, признания существования проблемы, рассмотрения информации под новым углом зрения, единения, учета ценностных ориентиров, контрастивного анализа, призыва. Она единственная не говорит о существующих проблемах, а стремится найти формы их устранения. Ее языковая личность не характеризуется установкой на конфронтацию. С помощью тактики солидаризации она показывает свое стремление к единению с аудиторией. Использование тактик оправдания, разъяснения, обращения к эмоциям адресата, акцентирования говорит о ее вы-

держанности, стойкости, умении аргументировать, корректно, без бурных эмоций парировать выпады – все это свидетельства определенной риторической и коммуникативной грамотности политика. На наш взгляд, министра обороны ФРГ можно отнести к кооперативно-актуализаторскому типу языковой личности. Данный тип предлагает слушателям разбор той или иной ситуации с целью выявить и устранить недостатки, т.е. применяет тактику критики. В наших материалах критика выражается через прилагательное «unangemessen».

Ср.: «Ich finde, das Thema in solch einer Tonart zu diskutieren, ist vollkommen *unangemessen*» (Урсула фон дер Ляйен)

Политик использует формально-логический подход, стремится к моделям, формулам, схемам. Ко всем вопросам она подходит серьезно, продумывает план, анализирует факты и делает логические умозаключения.

Оратор выражает согласие с адресатом с помощью лексики с положительной семантикой «richtig».

Ср.: «Aber wir haben nicht vergessen, wie letztes Jahr, genau um diese Zeit, der „Islamische Staat“ den Norden des Iraks quasi zu überrennen drohte und die Jesiden ins Sindschargebirge getrieben hat. Damals war es *richtig* und heute ist es nach wie vor sinnvoll...» (Урсула фон дер Ляйен)

На грамматическом уровне маркерами

тактики указания на путь решения проблемы являются сложные формы сказуемого, включающие модальное слово и глагол в форме инфинитива: «dürfen konzentrieren», «müssen anstellen».

Ср.: «...**dürfen** wir uns nicht nur auf die neuen Herausforderungen **konzentrieren** – das ist die Hauptaufgabe –, sondern **müssen** wir auch immer eine kritische Nabelschau **anstellen...**» (Урсула фон дер Ляйен)

Министр склонна использовать в речи длинные дискурсивные, правильно построенные предложения, логические аргументы, цифры и факты, часто апеллирует к авторитетам.

В выступлениях политического деятеля, премьер-министра Баварии Хорста Зеехофера мы обнаружили, что он избегает конфликтных коммуникативных тактик (обвинения, оскорбления), но не пренебрегает критикой позиции оппонента. Выражение согласия с оценкой проблемы, данной адресатом, тоже свидетельствует о стремлении к солидаризации с ним. Он, так же как и Ангела Меркель, говорит о единстве. Имидж Хорста Зеехофера – человек действия, а не слова, рассудка, а не эмоций. Тексты его выступлений кратки, динамичны, информативно насыщены. Это создается за счет использования им тактик указания на перспективу, иллюстрирования, акцентирования.

Создание перспективы осуществляется

глаголами, выражающими долженствование (müssen).

Ср.: «Wir **müssen** aber auch in Berlin die Alarmsignale der Kommunalpolitiker und der Helfer ernst nehmen» (Хорст Зеехофер)

В рамках тактики иллюстрирования политик намеренно называет числа, цифры, даты.

Ср.: «Zuletzt sind **am 13. Oktober über 8.000** Flüchtlinge nach Bayern gekommen. **Seit 1. September bis zum 13. Oktober** sind **knapp 300.000** Flüchtlinge in Bayern angekommen» (Хорст Зеехофер)

Маркером тактики акцентирования являются использование персонифицированных глаголов «sagen».

Ср.: «Ich **sage** das, damit man die Größe der Aufgabe sieht, vor der die Verantwortlichen stehen. Ich **sage** noch einmal: Bezogen auf den Zeitpunkt...» (Хорст Зеехофер)

Эта тактика также реализуется посредством вводных слов «offensichtlich».

Ср.: «**Offensichtlich** ist bei der Zuwanderungsbegrenzung...» (Хорст Зеехофер)

Политик часто употребляет наречие «sicher».

Ср.: «Ich bin ziemlich **sicher...**» (Хорст Зеехофер)

При принятии решений Х. Зеехофер рассудительный, а не импульсивный. Он стремится аргументировать свое высказывание. Оратор постоянно обращается к прошлому и, используя опыт, преподнесенный в ана-

литическом оформлении, определяет перспективы на будущее.

Тактика обоснованных оценок очень часто реализуется с помощью условного союза «wenn».

Ср.: «**Wenn** wir bei der Zahl der Zuwanderer keine Grenzen setzen, wird uns die Bevölkerung die Grenzen setzen, und zwar durch den Entzug ihres Vertrauens» (Хорст Зеехофер)

Образность речи, обращение к эмоциям массового адресата также сильный элемент речевого воздействия политического лидера.

Политик для реализации тактики обращения к эмоциям адресата использует прилагательное «froh».

Ср.: «Ich bin **froh**, dass sich gestern alle Gesprächsteilnehmer...» (Хорст Зеехофер)

Другая составляющая Х. Зеехофера как риторика – умелое использование им тактики учета ценностных ориентиров адресата. Он использует тактику оспаривания, что говорит о том, что он убежден в правоте своих действий, при этом никого не обвиняя. Для ее осуществления оратор использует противительный союз «aber».

Ср.: «Wir haben auf diesem Feld zwar Aufgaben und Herausforderungen, **aber** wir haben keine größeren Probleme» (Хорст Зеехофер)

Политик совсем не использует тактику разъяснения, демонстрируя тем самым свою уверенность в том, что его поймут и без подробных разъяснений с его стороны. Использо-

вывая тактику призыва, он показывает себя как человека, который верит в то, что шанс сделать что-то всем вместе очень велик.

На речевом уровне тактика призыва представлена глаголами в форме повелительного наклонения. Хорст Зеехофер использует глагол со значением призыва «aufrufen».

Ср.: «**Stellen** Sie **sich** das einmal für den Winter **vor**» (Хорст Зеехофер)

Ср.: «Ich **rufe** deshalb zum Handeln **auf**» (Хорст Зеехофер)

На момент анализа его выступлений, политик не выражает явного дистанцирования и отождествления, что говорит о том, что он готов идти на конструктивное решение вопроса.

Центральное место в речевом портрете бывшего председателя партии «Левые» Грегора Гизи занимает такое качество, как способность к согласованности своего дискурсивного поведения с действиями партнера по социально-коммуникативному взаимодействию. По нашим наблюдениям, Грегор Гизи относится к кооперативному типу и – конкретнее – к его кооперативно-актуализаторскому подтипу. Говорящий показывает себя представителем аудитории, а избиратель видит в кандидате человека такого же социального класса, как и он сам. Имидж политического лидера должен соответствовать ожиданиям социальной среды. Применение тактики дистанцирования характерно для оппозиционных немецких по-

литических деятелей. Посредством данной тактики политик-оппозиционер пытается противопоставить себя правящей силе, не оправдывающей, на его взгляд, надежд избирателей. Возмущаясь, говорящий обвиняет собеседника и подчеркивает свою непричастность к ошибкам и неблагоприятным поступкам, неэффективной деятельности. Вербализация тактики дистанцирования происходит за счет антитезы «andere Fraktionen – die Linke».

Ср.: «*Alle anderen Fraktionen* waren für den Krieg in Afghanistan, nur *die Linke* war dagegen und hat vor den Folgen gewarnt» (Грегор Гизи)

Целевая направленность публичного политического дискурса предполагает со стороны говорящего донесение и разъяснение слушающим определенной информации, затрагивающей их общественные интересы и ценности (тактики: разъяснения, комментирования, учета ценностных ориентиров адресата, иллюстрирования, акцентирования).

Тактика разъяснения часто предполагает использование выражения «es handelt sich um» (речь идет о), именно его использует Грегор Гизи.

Политики реализуют тактику комментирования посредством высказывания, поясняющего смысл контекста.

Ср.: «Viel Hoffnung für die Bevölkerung entsteht durch die - *übrigens wegen der großen Mehrheit* - demokratiegefährdende Große Ko-

alition für die nächsten beiden Jahre nicht...» (Грегор Гизи)

На основе проанализированных нами выступлений немецкого политика, можно сделать вывод, что он опирается на следующие ценности: «*soziale Gerechtigkeit*», «*Erwerbsarbeit*», «*ökologische Nachhaltigkeit*».

Ср.: «Sie wollen aber mehr *Frieden*, mehr *soziale Gerechtigkeit*, *Erwerbsarbeit* und *ökologische Nachhaltigkeit*» (Грегор Гизи)

Наряду с информированием политик призывает к действию (тактика призыва). Прагматик ищет кратчайший путь к получению результата, ориентирован на настоящее, не терпит абстрактные теоретические разговоры. Он склонен использовать в речи простые предложения, иллюстрации. Это доказывается тем, что в своих выступлениях он использует тактику указания на путь решения, но не применяет тактику контрастивного анализа.

Для реализации тактики указания на путь решения проблемы оратор использует сложные формы сказуемого, включающие модальное слово и глагол в форме инфинитива «*können durchführen*».

Ср.: «Aber vielleicht *kann* man Ausschusssitzungen teils öffentlich, teils nichtöffentlich *durchführen...*» (Грегор Гизи)

Его выступления отличаются жесткой и непримиримой позицией по отношению к оппонентам. Оратор не говорит о сплоченности. Данному типу присуща экспрессив-

ность, что помогает оратору донести свою точку зрения до широкой аудитории, установить контакт и позиционировать себя в выгодном свете.

Пожелания и благодарности, используемые Гизи, позволяют увидеть настроение политика, его намерения и мотивы. В речи они выражаются глаголами «wünschen», «danken» и прилагательным «dankbar».

Ср.: «Ich *wünsche* mir eine andere politische Kultur» (Грегор Гизи)

Лидером партии «Левые» является в настоящее время Сара Вагенкнехт. Она представляет собой конфликтно-манипуляторский подтип, при котором говорящий манипулирует собеседником; не оказывает знаков уважения собеседнику и считает его статус ниже своего; говорящий учит собеседника, навязывает свое мнение, перебивает собеседника (тактики: оппозиционирования, обвинения, оскорбления, критики позиции оппонента).

Наличие большого количества примеров употребления данных тактик позволяет особо выделить риторический вопрос как навязывание своей точки зрения, что является приемом реализации манипулятивной тактики.

Ср.: «Wissen Sie nicht, was Sie damit anrichten?» (Сара Вагенкнехт)

Сара Вагенкнехт для передачи уверенности достаточно часто обращается к стилистическому приему – анафора.

Ср.: «Wo war und *wo ist Ihr freundliches*

Gesicht gegenüber Menschen in Notsituationen hier im Land? *Wo ist Ihr freundliches Gesicht gegenüber* denen, die von Jobcentern gedemütigt und in miese Billiglohnjobs gedrängt werden? *Wo ist Ihr freundliches Gesicht gegenüber* der alleinerziehenden Mutter, die ihre Kinder nur noch dank des Angebots der Tafeln satt bekommt? *Wo ist Ihr freundliches Gesicht gegenüber* der wachsenden Zahl von Menschen, denen nach einem langen Arbeitsleben Armut im Alter droht?» (Сара Вагенкнехт)

Для реализации тактики оскорбления она применяет стилистическое средство иронию.

Ср.: «Da ist es natürlich ein Problem, dass Konsequenz und Rückgrat nicht gerade zu Ihren hervorstechenden Eigenschaften gehören»

На уровне языкового воплощения тактика обвинения реализуется прежде всего употреблением отрицательной частицы «nicht».

Ср.: «Die hundertste Wiederholung Ihres „Wir schaffen das“, Frau Bundeskanzlerin, hilft dem Bürgermeister einer Gemeinde unter Haushaltsnotstand ... *nicht*» (Сара Вагенкнехт)

Тактика критики позиции оппонента выражается через противительный союз «aber».

Ср.: «Heute taumeln in Deutschland Städte und Gemeinden, *aber* Sie hantieren mit Kleinbeträgen» (Сара Вагенкнехт)

Следует отметить, что С. Вагенкнехт, также стремится показать серьезность, деловитость, близость к слушателям (тактики: со-

лидаризация, акцентирование, признание существования проблемы, указание на путь решения проблемы).

Тактика солидаризации с адресатом осуществляется с помощью глагола «unterstützen», лексики с положительной семантикой «gut».

Ср.: «Deshalb **unterstützen** wir es durchaus, dass Sie, Frau Merkel, eben noch einmal für eine politische Lösung für Syrien plädiert haben» (Сара Вагенкнехт)

Ср.: «„Wir schaffen das“, haben Sie, Frau Bundeskanzlerin, gesagt. Das klang **gut**» (Сара Вагенкнехт)

Но она не строит планов на будущее, акцентируя внимание на текущем моменте. Грамотно подобранные коммуникативные тактики (обращения к эмоциям адресата, призыва, иллюстрирования) позволяют говорящему политике взаимодействовать на аудитории, привлекать внимание слушателей определенным образом. В своих выступлениях политик не использует тактики дистанцирования и отождествления, что говорит о ее намерении решить проблемы / вопросы в процессе дискуссии.

В процессе анализа было установлено, что умелое использование сопредседателем партии «Левые» К. Киппинг тактик отождествления и солидаризации не означает полного сближения политика с представителями оппозиционной партии. Она соблюдает дистанцию. В вербальном оформлении

приемом дистанцирования от оппонента следует отметить характерные оппозиции «Sozialministerin – Sie», одна сторона которой в лексическом плане выражена личным местоимением.

Ср.: «Die **Sozialministerin** und **Sie...**» (Катя Киппинг)

В информационно-интерпретационной стратегии Катя Киппинг удачно использует тактику разъяснения, тактику комментирования, а также тактику признания существования той или иной проблемы. Населению не может не нравиться, что власть, по крайней мере, не закрывает глаза на существование проблем и тем самым солидаризируется с народом в оценке ситуации.

Оратор выражает согласие с адресатом с помощью предложного наречия «dafür».

Ср.: «Sie sprechen sich in diesem Antrag für ein Sanktionsmoratorium aus. Ich selber war Mitinitiatorin einer Initiative **dafür...**» (Катя Киппинг)

На речевом уровне тактика признания существования проблемы манифестируется в виде бытийного высказывания с предикатом: «Problemist».

Ср.: «Das **Problem ist** nur...» (Катя Киппинг)

Использование тактик иллюстрирования, обоснованных оценок, контрастивного анализа характеризуют политика как человека, мыслящего логично и в то же время конкретно, что немаловажно для восприятия

аргументации адресатом. Нередко обоснование выливается в пространное разъяснение, комментирование собственной позиции, что характеризует ее не только как политика, но и как управленца-прагматика.

Для реализации тактики обоснованных оценок в основном употребляется лексика семантических полей «Grund», «Ursache».

Ср.: «Das bisschen, was ihm monatlich zu steht, wird auch noch um 34 Euro gekürzt. Der **Grund** ist folgender...» (Катя Киппинг)

К. Киппинг не говорит о единстве, так же как и все представители партии «Левые». Она не прибегает к критике оппонента, что свидетельствует об уважительном отношении к мнению последнего. Данный тип личности не использует для воплощения стратегического замысла тактики оскорбления. Реалист использует эмпирический подход, интересуется исключительно конкретными результатами, отдает предпочтение фактам. Поскольку сам не любит длинных разговоров, в речи он склонен использовать ясные, сжатые дескриптивные формулировки. В аргументации апеллирует к фактам, часто выражает свое мнение и оценки эксплицитно, говорит ясно и убедительно.

Тактика акцентирования реализуется посредством вводного слова «wohlgemerkt».

Ср.: «**Wohlgemerkt:** „könnten“» (Катя Киппинг)

Следующим приемом реализации тактики является использование глагола

«mögen» в презенсе конъюнктива.

Ср.: «Dazu **möchte** ich einiges **sagen**...» (Катя Киппинг)

Политики часто употребляют выражение «Fakt ist», указывающее на факт, важность происходящего.

Ср.: «Fakt ist...» (Катя Киппинг)

Выражения эмоций дает понять слушателю, что политик говорит от чистого сердца, а не потому, что должен. Тем самым он сокращает коммуникативную дистанцию.

Политик для реализации тактики обращения к эмоциям адресата использует прилагательные «erfreulich», «ärgerlich».

Ср.: «Das ist natürlich sehr **erfreulich. Ärgerlich** ist...» (Катя Киппинг)

Катя Киппинг не использует тактику оправдания. Она руководствуется желанием прийти к единому мнению, что должно положительно повлиять на процесс общения. В целях убеждающего воздействия на собеседника гармоничная личность стремится найти наиболее целесообразный способ поведения для достижения коммуникативного намерения.

Тактика убеждения реализуется зачастую с помощью повелительного наклонения.

Ср.: «**Folgen** Sie Ihrem Gewissen, und **stimmen** Sie unserem Antrag **zu!**» (Катя Киппинг)

Таким образом, в процессе анализа были выявлены и охарактеризованы индивидуальные особенности языковой реализации коммуникативных стратегий отдельными

коммуникантами, а также проанализированы их индивидуальные речевые предпочтения. Это позволило нам выделить индивидуальные особенности речи немецких политиков, что дает представление о речевом портрете современного немецкого политика в целом. Как известно, какие политики входят в политическую партию, такая и партия. Индивидуальные особенности каждого политика так или иначе отражаются на акциях и действиях их партий.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 136–137.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста // Теоретические основания и практика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов / Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. / Отв. редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Рус. яз., 1996.

Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2011.

Дугин А.Г. Политический язык. Политика как язык // Философия политики. Гл. 16. М.:

Аркогея, 2004. С. 381–411.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2006.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2013. 87 с.

Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под. ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М.: МГУ, 1997. С. 276–339.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: Сборник научных статей / Отв. редактор В.Е. Чернявская. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 9–33.

Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: Учеб. пособие для студ. высш. заведений. М.: Изд. Центр «Академия», 2008.

Самарина И.В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2006.

Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 188–194.

Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 223–247.

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 337–384.

Тодосиенко З. В. Особенности политического языка // Вестник ВЭГУ. 2012. № 5 (61). С. 158–161.

Формановская Н. И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика. М.: Изд-во «ИКАР», 2007.

Черногрудова Е. П. Основы речевой коммуникации: учеб. пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2010.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс... док. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000.

Burkhardt, A. Das Parlament und seine Sprache. Tübingen: Niemeyer, 2003.

Fleischer M. Das System der russischen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung. München, 1997.

Girnth, H. Sprachverwendung in der Politik [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/sprache-undpolitik/42687/sprachverwendung>. Дата обращения: 18.01.2016.

Gülich, E. Ansätze zu einer kommunikationsorientierten Erzähltextanalyse (am Beispiel mündlicher und schriftlicher Erzähltexte) / E. Gülich // Erzählforschung 1 Theorien, Modelle und Methoden der Narrativik. Göttingen: Vandenhoeck&

Ruprecht, 1976. S. 224–256.

Knape, J. Rhetorik der Künste // Fix, U., Gardt, A., Knape, J. Rhetorik und Stilistik = Rhetoric and Stylistic. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung. Berlin – New York: de Gruyter, 2008. S. 894–927.

Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt / M., 1995.

Shrouf, A. Naser: Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels. Am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998, in: Hoberg, Rudolf (Hrsg.): Angewandte Sprachwissenschaft. Bd. 18. Frankfurt-am-Main: Peter Lang Verlag 2006.

Текст речи Ангелы Меркель в Бундестаге 19.03.2015 <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-03-19-regierungserklaerung.html>.

Текст речи Кати Киппинг в Бундестаге 1.10.2015 <http://www.linksfraktion.de/reden/grundrechte-muss-man-sich-nicht-verdienen/> \t „_blank.

Текст речи Урсулы фон дер Ляйен в Бундестаге 23.04.2015 <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2010-2015/2015/04/54-3-bmvg-bt.html>.

Официальный сайт газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/>.

Официальный сайт газеты «Ди Цайт». Режим доступа: <http://www.zeit.de/suche/index?q=politik>.

References

Arutyunova, N.D. (Ed.). (2002). *Diskurs. Rech'. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Discourse. Speech. Linguistic Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

Baranov, A.N. (2012). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta*. [Teoreticheskiye osnovaniya i praktika. Linguistic text expertise. Theoretical foundations and practice]. Moscow: FLINTA: Nauka.

Burkhardt, A. (2003). *Das Parlament und seine Sprache*. Tübingen: Niemeyer.

Chernogradova, E.P. (2010). *Osnovy rechevoy kommunikatsii* [Foundations of speech communication]. Moscow: Ekzamen.

Dugin, A.G. (2004). *Politicheskiy yazyk. Politika kak yazyk* [Political language. Politics as language]. *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Vol. 16. Moscow: Arkogeya, pp. 381–411.

Fleischer, M. (1997). *Das System der russischen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung*. München.

Formanovskaya, N.I. (2007). *Rechevoye vozdeystviye: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech Impact: communication and pragmatics]. Moscow: IKAR.

Girnth, H. (2002). *Sprachverwendung in der Politik*. Available from: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/sprache-undpolitik/42687/sprachverwendung> (date of access: 18.01.2016).

Golodnov, A.V. (2011). *Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Persuasiveness as a universal strategy of

text formation in the rhetoric metadiscourse (on the material of the German language)]. PhD Thesis. Sankt-Peterburg.

Gülich, E. (1976). *Ansätze zu einer kommunikationsorientierten Erzähltextanalyse (am Beispiel mündlicher und schriftlicher Erzähltexte)*. In: E. Gülich, *Erzählforschung 1 – Theorien, Modelle und Methoden der Narrativik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 224–256.

Habermas, J. (1995). *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt / Moscow.

Issers, O.S. (2006). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: URSS.

Karaulov, Yu. N. (Ed.). (1996). *Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Abridged dictionary of linguistic terms]. Moscow: Russian language.

Kashkin, V.B. (2013). *Vvedeniye v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the theory of communication]. Voronezh: VGTU Publ.

Kibrik, A.A., Plungyan, V.A. (1997). *Funktionalizm* [Functionalism]. In: A.A. Kibrik, I.M. Kobozeva, I.A. Sekerinoy (Eds.). *Fundamental'nyye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki* [Fundamental trends of modern American linguistics]. Moscow: MGU Publ., pp. 276–339.

Klyuyev, E.V. (2002). *Rehevaya kommunikatsiya* [Speech Communication]. Moscow: RIPOL KLASSIK.

Knape, J. (2008). *Rhetorik der Künste*. In: Fix, U., Gardt, A., Knape, J. *Rhetorik und Stilistik = Rhetoric and Stylistic. Ein internationales Handbuch*

historischer und systematischer Forschung. Berlin – New York: de Gruyter. S. 894–927.

Kozhina, N.M. (2004). Diskursivnyy analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsiy [Discourse analysis and functional stylistics from speechology positions]. In: V.E. Chernyavskaya (Ed.). *Tekst – Diskurs – Stil'* [Text-Discourse-Style]. Saint Petersburg: SPbGUEF Publ., pp. 9–33.

Maslova, V.A. (2008). *Sovremennyye napravleniya v lingvistike* [Modern trends in linguistics]. Moscow: Akademiya.

Official site of «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Available from: <http://www.faz.net/aktuell/politik/> (date of access: 18.01.2016).

Official site of «Die Zeit». Available from: <http://www.zeit.de/suche/index?q=politik> (date of access: 18.01.2016).

Samarina, I.V. (2006). *Kommunikativnyye strategii sozdaniye kruga chuzhikh» i «sozdaniye kruga svoikh» v politicheskoy kommunikatsii* [Communicative strategies of making “the circle of insiders” and “the circle of outsiders” in political communication]. PhD Thesis. Rostov-na-Donu.

Sedov, K.F. (1997). *Vnutrizhanrovyye strategii rechevogo povedeniya: «ssora», «kompliment», «kolkost'»* [In-genre strategies of speech behavior: “quarrel”, “compliment”, “taunt”]. In: K.F. Sedov, Zhanyr rechi [Genres of speech], pp. 188–194.

Sepir, E. (1993). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii*. [Selected works on linguistics and culture studies]. Moscow: Progress, Univers.

Serio, P. (2002). *Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy*.

[The Russian language and the analysis of Soviet political discourse: analysis of nominalisation]. In: P. Serio (Ed.), *Kvadratura smysla: Fantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of sense: fantasy school of discourse analysis]. Moscow: Progress, pp. 337–384.

Sheygal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. PhD Thesis. Volgograd.

Shrouf, A. Naser. (2006). *Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels. Am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998*. In: Hoiberg, R. (Hrsg.): *Angewandte Sprachwissenschaft*. Bd. 18. Frankfurt-am-Main: Peter Lang Verlag.

Speech of Katja Kipping in Bundestag (1.10.2015). Available from: <http://www.linksfraktion.de/reden/grundrechte-muss-man-sich-nicht-verdienen/> (date of access: 18.01.2016).

Speech of Ursula von der Leyen in Bundestag (23.04.2015). Available from: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2010-2015/2015/04/54-3-bmvg-bt.html> (date of access: 18.01.2016).

Speech of Angela Merkel in Bundestag (19.03.2015). Available from: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-03-19-regierungserklaerung.html> (date of access: 18.01.2016).

Todosiyenko, Z. V. (2012). *Osobennosti politicheskogo yazyka* [The peculiarities of political speech]. *VEGU Herald*. №5 (61), pp. 158–161.

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE OF GERMANY (THE CASE OF CDU / CSU AND THE LEFTISTS)

Julia V. Bets, PhD, Assistant Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: juliabets@mail.ru.

Valeriya A. Korskova, Student of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: korskova_lerusa@mail.ru.

Abstract. The paper is based upon texts of public speeches made by the leaders of two opposing political parties in contemporary Germany. Its goal is to reveal and characterize particular speech strategies in employing political language and political discourse in a situation of confrontation between the parties. In the paper, selected strategies and tactics of public speech rhetoric of the prominent party speakers are differentiated, which help to produce their individual speech portraits.

Key words: political party discourse, pervasiveness, communicative strategies and tactics, German party leaders.

